

САМУИЛ БАБИН

ДОМ С НЕСОГЛАСНЫМИ

16+

Самуил Бабин
Дом с несогласными

«Автор»

2020

Бабин С.

Дом с несогласными / С. Бабин — «Автор», 2020

В обычной панельной пятиэтажке до сих пор живут обычные советские люди. Жизнь их привычна - работа, дом, телевизор, дача или забить «козла» с соседями по подъезду. Но выходя из дома, они сталкиваются с миром, где правят законы двора, улицы, города, страны. И эти законы, а точнее их исполнители, не всегда благосклонно относятся к людям, заставляя их постоянно делать выбор: подчиниться, молча пройти, увернуться или топнуть ногой в возмущении. В этот сборник вошли несколько историй про тех, кто в силу обстоятельств, даже против своей воли, стали вдруг несогласными. И таких людей становится все больше, что очень радует автора. Обложка авторская.

© Бабин С., 2020

© Автор, 2020

Содержание

1-подъезд, кв.39 (Хэллоуин)	5
2-й подъезд, кв.16 (Крымнаш)	9
3-подъезд, кв.53 (Реновация)	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Самуил Бабин

Дом с несогласными

1-подъезд, кв.39 (Хэллоуин)

Петрович залез под кровать и выкатил большую, оранжевую тыкву. Он, улыбаясь ей как старой знакомой, обтер тряпкой и убрал в старый, холщовый солдатский рюкзак. Петрович был пенсионного возраста и все лето проживал на даче, выращивая среднерусские овощи на своих шести сотках. И уже к зиме возвращался в город, в хрущевскую панельную пятиэтажку и то только затем, чтобы продать то, что удалось вырастить, засушить или засолить. Пенсии хватало в обрез на жизнь, а этот дачный заработок он откладывал на черный день и на лекарства. Если огурцы и помидоры не всегда давали хороший урожай, то тыква каждый год вырастала и размером, и количеством, не зависимо от погодных условий. Да и спрос на тыкву в последнее время вырос. Может потому, что народ стал налегать на здоровую пищу, а может по причине быстрого роста цен на продукты, в результате активной патриотической политики властей, но тыквы стали расходиться очень хорошо и особенно в конце октября. Причину этого Петрович понять не мог. Телевизор про это ничего не рассказывал, а вот жизнь упорно шла по своим неведомым законам. И Петрович, следуя сложившимся обстоятельствам, полностью перешел на выращивание тыкв.

Он осторожно надел рюкзак на плечи, вышел из квартиры, и направился в сторону метро, где и находилась его торговая точка.

У входа в метро, уже стояла Сонька со своими механическими котиками. Сонька тоже была пенсионерка, еще старше Петровича, и где-то умудрялась доставать китайских механических котиков, довольно потрепанного вида, похожих на реальных уличных котов. Котики работали от батарейки. Они переминались с ноги на ногу и довольно противным голосом пели «хеппи бездей ту ю...». Они часто ломались, застывая с приподнятой ногой и падали. Тогда Петрович, доставал из кармана отвертку и пассатижи и восстанавливал не хитрый их механизм. По этой причине, Сонька дружила с Петровичем, несмотря на свой сварливый характер.

– Привет. Как дела, – махнул ей рукой Петрович, доставая тыкву из рюкзака и ставя ее на деревянный ящик, который он всегда брал с собой, и использовал как прилавок.

– Рыжий совсем перестал петь скотина, – подтолкнула Сонька рыжего котика, бодро шагающего и издающего шипящие звуки.

– Ладно. Возьму его домой. Посмотрю вечером, – дружелюбно ответил Петрович.

Минут через пятнадцать к нему подошли двое молодых ребят и, не торгуясь, за сто рублей купили тыкву.

– Везет тебе, – закуривая, завистливо пробурчала Сонька. – Чего-то молодежь на тыквы в последнее время падка стала.

– Не знаю, – пожал плечами Петрович.

– Может сексуальные фантазии, – стала развивать тему Сонька.

– Может, – согласился Петрович, – Давай кота. Дома отремонтирую, – он не стал продолжать разговор и, забрав рыжего, пошел домой.

Тыквы у Петровича вырастали крупными и весили все больше пяти килограмм. Поэтому на продажу он выносил по одной. А если погода позволяла, вечером, когда народ возвращался с работы, приходил со второй. За сто редко удавалось продать, и Петрович решил отметить это, взяв бутылочку не дорогого Жигулевского пива. Вернувшись домой, он поджарил яичницу на сале и прямо со сковородкой и пивом, расположился в комнате у телевизора, как раз к начала полуденных новостей.

На экране всплыло ухоженно и сытое лицо какого-то депутата. Он начал гневно клеймит американцев за то, что они ничем, не брезгуя, пытаются сбить с правильного пути нашу молодежь и студенчество.

– И поэтому мы выносим на голосование закон, запрещающий праздновать у нас их американский Хэллоуин, – гневно застучал кулачком по трибуне депутат. Тут же крупно возникло, табло голосования. Все были за. Один подлец воздержался. Потом дикторша, начала с иронией рассказывать про Хэллоуин и на экране возникли картинки со страшными рожицами, вырезанными из тыкв и подсвеченных изнутри яркими огнями.

«Вот действительно. Делать им больше нечего. Столько тыкв на глупость всякую извели», – согласился с дикторшей Петрович, выливая с сожалением остатки пива в стакан.

Петрович не любил американцев. Все, что они не делали, тем или иным боком вылезало против его страны. Об этом постоянно не уставая передавать по радио и телевизору. Но правда с некоторой надеждой, что у них там скоро грянет кризис и вся эта Америка непременно развалится на сто или двести штатов, и к власти придут у них мексиканские наркобароны. И Петровичу в душе этому даже радовался. Единственное, ему почему-то было жалко негров. Негры здесь были явно не причем.

Победив Петрович, прилег на диване и сладко проспал часа два. Проснувшись, он ножичком вскрыл внутренности у рыжего кота и быстро вставил высочившуюся пружинку. Кот тут же зашагал и запел скрипучим голосом «хеппи бездей ту ю...». Петрович выключил кота, достал из-под кровати тыкву и, одевшись, не спеша пошел к метро.

Уже смеркалось. Моросил мелкий, осенний дождик. Соньки нигде не было видно. Петрович выложил тыкву на ящик и стал ждать покупателей.

Через несколько минут к нему подошли двое полицейских, постоянно дежуривших у метро.

– Ты чего это тут, – небрежно спросил один и постучал дубинкой по плечу Петровича.

– Тыкву продаю, – заискивающе ответил Петрович и протянул полицейскому десять рублей, зажатых в кулаке.

– Не положено, – выдавил тот и пихнул ногой тыкву. Та, упав с ящика, запрыгала вниз по ступенькам в подземный переход и докатившись, ударилась об стену и раскололась пополам.

– Зачем вы так, – со слезами на глазах произнес Петрович.

– Запрещено, дед. Закон вышел. Запретить продажу этих американских продуктов, – ответил полицейский и стал в рацию вызывать патрульный экипаж.

– Она не американская, – отчаянно произнес Петрович, – Она наша, русская. Я ее сам вырастил.

– Вот за это еще и срок получишь, – ответил полицейский, и они вдвоем с напарником запахали Петровича в подъехавший ментовский Уазик.

– Сколько тебе платили за тыквы? – строго произнес дежурный офицер, когда Петровича доставили в участок и привели на допрос.

– От пятидесяти, до ста рублей, – тяжело вздохнул Петрович

– Кто? – не отрываясь от протокола, продолжил офицер.

– Люди. Прохожие, – недоуменно ответил Петрович.

– Американцы сколько тебе платили, – вдруг закричал офицер и стукнул кулаком по столу.

Петрович от испуга отшатнулся назад и выронил на пол рюкзак с рыжим котом. От удара кот включился и громко запел «хеппи бездей ту ю, хеппи бездей ту ю...»

– Что это? – приподнимаясь из-за стола, грозно произнес офицер.

Петрович просунул руку в рюкзак и попытался выключить кота. Но видно от удара, что-то сломалось и кот как настоящий мартовский, продолжать орать и орать.

Офицер вызвал наряд. Петровича немного побили. Больше досталось коту. Он держался еще минут десять под ударами резиновых дубинок и уже перед тем как замолчать, произнес: «Суки». Так, по крайней мере, слышалось Петровичу.

Потом приехал другой офицер. Кажется, полковник. Он подробно расспросил Петровича, про тыквы, где он их выращивает, как давно и сколько. И в заключение, с сожалением произнес,

– Теперь по новому закону, вам от трех до пяти лет тюрьмы.

– За, что, – открыл от удивления рот Петрович.

– Ваши тыквы использовались при праздновании Хэллоуина, в школах, детских садах и других дошкольных учреждениях, – посмотрел сочувственно на Петровича полковник и добавил, – У нас есть показания свидетелей и соучастников данных мероприятий.

– Но, – поднял вверх указательный палец полковник, – Если вы расскажите всю правду в присутствии телевидения и раскаетесь, мы вас простим.

– Что я должен рассказать, – пересохшим голосом произнес Петрович. – Я ведь ничего не знаю.

– Вот текст, – положил перед ним листок полковник. – Почитайте, поучите. Там все, что требуется. И без самодеятельности. – Полковник встал и вышел из кабинета.

Петровича отвели в отдельную камеру, хорошо накормили и уложили спать, дав хорошую дозу снотворного. Рано утром разбудили и заставили учить текст. Через два часа, когда Петрович произносил текст без запинки и с нужной интонацией, приехали корреспонденты с трех главных каналов телевидения. Их всех, вместе, с Петровичем повезли к нему на дачу, где он показал запасы тыкв и рассказал, как его завербовал на станции, когда он дожидался электричку, какой-то негр по имени Джон – тайный агент ЦРУ. Как потом Петрович, развозил по школам и детским садам выращенные тыквы и учил детей вырезать из них по лекалам Джона, страшные рожи.

– Все, на сегодня свободен. Отдыхай, – высаживая Петровича у подъезда его дома, дружелюбно похлопал его по спине полковник.

– И что дальше? – Тихо произнес Петрович.

– Не знаю. Теперь ты не с нами. Теперь с телевидением будешь работать, – усмехнулся полковник, – Да ты не переживай. Известным станешь. Гонорары получать будешь. У них хорошо сейчас платят. – Полковник помахал рукой, захлопнул дверь и уехал.

Петрович поднялся к себе. Подогрел вчерашних макарон на постном масле, посыпал их сахаром и, взяв тарелку сел у телевизора. Как раз показывали новости. Петрович первый раз увидел себя по телевизору. Вид был не очень. Он ходил по огороду в старом плаще и грязных сапогах, рассказывал историю своей подпольной борьбы, которую он заучил по бумажке. Потом по фотографии опознал негра Джона, агента ЦРУ и продемонстрировал умение вырезать из тыкв хэллоуиновские рожи. Потом показали студию в Останкине, где политологи и депутаты осуждали и разоблачали Петровича, американцев, Хэллоуин и предлагали срочно восстановить везде наши, советские ценности.

Петрович переключил канал. Он снова увидел себя, и все повторилось, как и на первом. Только в конце репортажа, вместо телестудии показали, как к его дачному домику приезжает самосвал, в который загружают все его тыквы и их потом вывозят на какую-то свалку, где под комментарий веселой телеведущей давят гусеницами огромных бульдозеров.

– Суки! – вскакивая с дивана, закричал Петрович голосом рыжего кота, роняя тарелку с макаронами на пол. – Какие же вы все, суки.

Петрович выключил телевизор, залез под кровать и вытащил оттуда последние пять тыкв. Сходя на кухню за ножом, он достал из кармана плаща лекала, которыми его обеспечили в полиции и приложив их к тыквам стал вырезать те самые рожи.

Он закончил работу, когда уже стемнело, оделся, и стал выносить тыквы в подъезд, и расставлять их на подоконниках лестничных площадок. Вставив в каждую по свече, он спустился на первый этаж и выкрутил пробку общего света. Выйдя на улицу, он отошел к детской площадке и посмотрел на свой подъезд. На каждом этаже, отражаясь в стеклах, пугающими, но при этом веселыми рожами светились его любимые тыквы. Петрович достал мобильник и набрал номер.

– Але. Полиция, – таинственным голосом спросил он. – У нас в подъезде неизвестные отмечают Хэллоуин. И, похоже, хотят захватить весь дом и весь район, – Петрович сделал паузу и добавил, – Не исключаю, что и на город замахнуться. А потом и на страну. – Он выключил телефон и, отойдя от дома, выбросил его в мусорный бак. Потом он зашел за угол и стал ждать.

Через полчаса раздалась сирена, и во двор, завывая с проблесковыми маячками, въехали пожарная и машина полиции. Увидев светящиеся рожицы, полицейские не рискнули заходить в подъезд, а вызвали спецназ. Еще через полчаса прилетел вертолет и высадил спецназовцев на крышу дома. Потом приехали несколько машин телевидения и стали устанавливать во дворе прожектора освещения. Когда весь двор залил яркий электрический свет, на детской площадке возникла фигура полковника, того самого, который учил Петровича как правильно себя вести. Полковник поднес к губам мегафон и произнес в сторону Петровичева подъезда:

– Товарищи Хэллоуины. Сопротивление бесполезно. Вы окружены. Предлагаю вам сдать органы правопорядка. Выходить из подъезда по одному с поднятыми руками. Если через пять минут вы не сдадитесь, мы начнем штурм!

Петрович не стал дожидаться начала штурма, а свернув за угол и быстро пошел в сторону метро. Доехав до центрального аэровокзала, он купил себе билет на самолет до Анадыря. Там жил его старый друг, настоящий чукча, с которым они в молодости служили в армии. Друг давно приглашал его к себе в гости и обещал даже перевезти без визы на Аляску, если Петрович захочет посмотреть Америку.

Петрович поднялся по трапу в самолет, поправил на плече рюкзак с тыквенными семенами, единственное, что он успел забрать, с собой уходя из дома, и посмотрел на город. Уже светало. Горизонт слегка зарозовел и на небе вдруг появился оранжевый круг скалящейся в улыбке огромной огородной тыквы.

– До встречи, – помахал ей рукой Петровичи вошел в самолет.

P.S. Сейчас живет в пригороде Лос-Анжелеса. Иногда присылает соседям по лестничной клетке поздравительные открытки по случаю праздников.

2-й подъезд, кв.16 (Крымнаш)

Старуха третий день пилила Старика, чтобы он сходил в Собес, узнал почему так давно не пересчитывали пенсию. Уже полгода пенсии платили по-старому, а цены за это время увеличились чуть ли не в двое. Сегодня она устроила ему скандал и на завтрак приготовила овсянку на воде, без масла. Старик с трудом проглотил овсянку, запивая морковным чаем и засобиравшись в Собес.

– И селедки купи, – услышал он вдогонку, закрывая дверь.

В Собесе, отстояв часа два в очереди, он наконец-то попал в комнату к начальнице – большой, накрашенной даме, с толстыми пальцами, утыканными кольцами и перстнями.

– Не пересчитывали еще, – не отрываясь от бумаг ответила дама.

– Как не пересчитывали, – заикаясь переспросил Старик, – А почему магазины пересчитали уже?

– Тебе Крым наш нужен был? – зло посмотрела начальница. Старик утвердительно махнул головой.

– Так тебе еще и пенсию подавай? – Глаза начальницы засверкали, отражая кольца на руках. – Потерпеть придется, – сбавляя обороты, продолжила она, – Государство не резиновое. На всех не хватает.

Старику стало стыдно, за политическую близорукость. Он извинился и вышел. В магазине он попросил завесить две средние селедки. «Двести пятьдесят», – назвала цену продавщица, пряча рыбу в полиэтиленовый пакет.

– Как двести пятьдесят? Недавно сто двадцать было, – отшатнулся от прилавка старик.

– Дедушка. Ты что не слышал, о запрете ввоза импортной продукции?

– Слышал. Но ведь селедка наша, – возразил старик.

– Ага, наша. Это Крым ваш. А селедка атлантическая, – криво усмехнулась продавщица.

Старик в результате, завесил одну маленькую на сто рублей и не стал тратиться на пакет с ручками, спрятал ее в карман пиджака.

Домой идти не хотелось. Теперь старуха разозлится и будет пилить до самого вечера, пока не начнут показывать «Поле чудес» или «Добрый вечер с Махатовым». Он медленно шел по бульвару, недоумевая почему вдруг всем так Крым наш стал поперек. Он был в Крыму всего один раз, еще лет тридцать назад. И восторга если честно, он у него тогда не вызвал. Даже наоборот. Они ютились со Старухой в сарае, разделенным на секции деревянными перегородками. Пляжи были забиты народом, как селедками. Пиво кислое. Еда не вкусная. «Эй, дед. Подзаработать не хочешь?» – раздался сзади бодрый голос. Старик оглянулся. Вдоль тротуара медленно ехал крытый грузовичок из окна которого улыбалась добродушное лицо водителя.

– Мне на спецобъект, надо материал отвезти. А туда без сопровождающего не пускают, – стал объяснять водитель. – Тебе делать ничего не надо. Посидишь в кабине. А потом я тебя обратно привезу. Сто рублей плачу.

Услышав про сто рублей, старик обрадовался и полез в кабину к незнакомцу. Они выехали за город. Проехали по лесной, но очень хорошей дороге еще километров десять и выехав из леса, остановились на пригорке.

– Видал такое, – закуривая и открывая окно спросил водитель.

Внизу расстилалась большая долина, рассеченная на участки красивыми зелеными аллеями и застроенная настоящими дворцами.

– Что это. Царский музей, – удивленно спросил старик.

– Ага. Под открытым небом. Только цари все эти из нынешних, из наших. Газпром, Роснефть, РЖД. Там правее министры, с другой стороны депутаты, – вода пальцем, рассказывал водитель. – И народ простой не забыли. Ему теперь целый Крым вернули. Пользуйтесь, –

усмехнувшись, закончил водитель. Выкинув сигарету, он завел машину, и они стали спускаться в долину. Проехав шлагбаум с вооруженной охраной, машина остановилась у зеленого глухого забора, из-за которого раздавался шум стройки.

– Я сейчас. Подожди здесь, – доставая из кузова небольшой картонный ящик с иностранными этикетками, сказал водитель и пошел куда-то вдоль забора. Старик посидел немного, потом спустился на землю и решил пройтись, размяться. Пройдя метров десять, он увидел небольшую, в пятак, дырку в заборе. Она была в метре от земли и старику чтобы посмотреть через нее, пришлось сильно нагнуться. Дворец снаружи был почти закончен. В отдалении работала техника, строили не то фонтан, не то бассейн.

«Зачем это им все?» – только подумал он, как что-то упругое с силой воткнулось ему сзади между ягодиц и раздался грубый мужской голос, – Что ты тут, вынюхиваешь журналюга продажная.

Старик не разгибаясь повернул голову. Сзади стояли два огромных охранника. Один ели сдерживал рвущегося с поводка ротвейлера, а другой концом резиновой дубинки как раз и пригвоздил его к забору через это самое. Старик застонал от боли.

– Обыщи его, – скомандовал с ротвейлером. Второй чуть ослабил давление, похлопал по карманам и вытащил пакет с селедкой.

– Вот, – он показал второму селедку.

– Эй, ребята, это мой напарник, отпустите, – раздался сзади голос водителя.

– Ладно, отпусти, – скомандовал второй, и они с селедкой и ротвейлером пошли дальше вдоль забора.

Старик теперь не мог ехать сидя, там все очень болело. Тогда водитель, побросав в кузов пустые мешки из-под керамзита положил на них Старика, животом вниз и отвез его домой, заплатив как договаривались сто рублей. Когда он подошел к подъезду, боль и обида постепенно рассосались. А когда он увидел сидящий во дворе друзей-пенсionеров, забывающих козла, то настроение совсем улучшилось. Он подошел и стал наблюдать за игрой. Мужички как всегда, между делом обсуждали дворовые и политические новости. Один из них, Вася, служивший когда-то во флоте, размешивая фишки, произнес, – Вот Крым забрали, надо было сразу и Зонбасс не останавливаясь.

– И Дессау, – пропищал, Петрович с третьего подъезда. Все одобрительно загудели и вдруг раздался четкий, уверенный голос Старика,

– Не нужен нам Зонбасс. И Крым не надо было.

– Ты чего, – народ оглянулся на Старика.

– Селедка вон уже двести пятьдесят. И зачем вообще?

– Ах, ты гнида, – вылезая из-за стола заревел Вася. – Ты америкосам за селедку продаться собрался. Крымнаш! – и он с поднятыми над головой кулаками, пошел покачиваясь на Старика. Но видно накопившаяся за день обида и злость, придали такие силы Старика, что сначала Вася был отброшен в кусты, а потом туда же полетели и подоспевшие на помощь дружки. Только прибывший наряд полиции, вызванный Васиной женой, смог остановить его.

– Из-за чего драку устроил, – спросил дежурный офицер, доставая бланк допроса, когда Старика доставили в участок. Старик молчал.

– Он против Крымнаш, там выступил. Народу естественно не понравилось. – ответил за Старика один из полицейских.

– Чем тебе наш Крым не нравится, – отхлебывая из стакана остывший чай, спросил дежурный.

– Крым не наш, – твердо ответил Старик.

– Он, пьяный что ли? – посмотрел пристально на Старика дежурный.

– Да ни в одном глазу. Как стеклышко, – обнюхав Старика, ответил полисмен.

– На кой хрен, тогда вы сюда его привезли, – раздраженно хлопнул по столу дежурный.

–А куда его надо было?

– В психушку, – выскочил дежурный из-за стола и подошел в плотную к Старику. – Послушай дед, мой тебе совет, ты никому это больше не говори, ладно? –Он приобнял за плечи Старика и произнес в полголоса, – У нас люди простые, они этого долго не поймут.

Дежурный вернулся к столу и скомандовал, – Так, отвезите его где взяли. И больше сюда не привозите.

Старик вернулся домой уже около девяти вечера. В квартире громко работал телевизор, напротив которого сидела Старуха.

– Я там тебе шей сварила из куриных шеек, – не отрываясь от телевизора, проскрипела она. – Прямо в кастрюле бери и приходи скорее новости смотреть. Сегодня будут показывать, как их пленных наши по городу поведут. Как фашистов после Сталинграда.

Старик не пошел на кухню, а взял телефон и вышел на балкон. Он набрал номер внучки.

– Але, Катя. Это дед, – сказал он, улыбаясь в трубку. – Я тоже очень рад. Слушай, внучка. Ты не могла бы меня на компьютере подучить. Я там не все понимаю. Мне очень с интернетом сейчас научиться надо.

Он послушал некоторое время и продолжил,

– Спасибо родная. Хорошо. Я завтра с утра к тебе приеду. – Он убрал телефон. Вернулся в комнату. Вытащил из-под кровати, что-то завернутое в старую наволочку. Развернул. Это был ноутбук. Не последняя модель конечно, но вполне себе. Старик купил его два месяца назад в мастерской на первом этаже, занимающейся ремонтом компьютеров. Он за это время его немного освоил, но к интернету подключаться пока боялся. Старик завернул ноутбук снова в наволочку. Достал из шкафа старый туристический рюкзачок. Убрал в него сверток. Одел рюкзачок на спину, он тихо открыл входную дверь и осторожно вышел из дома.

P.S. Месяца три назад Старик вернулся и эту историю все забыли.

3-подъезд, кв.53 (Реновация)

Он вернулся в город через три года и теперь шел по пыльной улице и не мог понять, что происходит. К домам, подъезжали грузовики, и люди, жители этих домов, выносили из подъезда и грузили в них узлы и коробки с домашним скарбом, мебель, тазы, ведра, банки с соленьями, маленьких детей в кроватках, стариков на инвалидных колясках с горшками фикусов на коленях.

– Куда вы уезжаете, – спросил Витя одну женщину, которая с трудом поставила в кузов старенький телевизор.

– За город нас выселяют, в зеленую зону, – ответила та, недобро взглянув на Витю.

– А зачем?

– Чтобы мы смогли прожить до восьмидесяти шести лет, – устало ответила женщина, – Там говорят воздух чище и этих нет.

– Кого, нет, – переспросил Витя.

– Платных улиц, зеленых эвакуаторов и черных лимузинов, – ответила женщина и развернувшись вошла в дом.

В это время на улицу выехала целая колонна тех самых зеленых эвакуаторов, с загруженными машинами на платформах.

– Новую партию повезли, – не весело произнес водитель грузовика, – Скоро уже ни одной нашей машине в городе не останется.

– Зато воздух станет чище, – строго произнес проходящий мимо полицейский.

– Это точно, – испуганно согласился водитель грузовика, – Спасибо, Митрофану Беломедведеву и мэру Квасквы, за увеличение нашей средней продолжительности жизни.

– Давай грузись быстрее и уезжайте. Вы задерживайте снос ваших ветхих домов, – все так же строго произнес полицейский.

– Так мы уже почти все вынесли. Рыбок только осталось забрать, – заискивающе ответил водитель и громко крикнул в сторону дома, – Маруся, давай быстрее. Мы мешаем людям ломать дома.

– Бегу, бегу, – закричала, откуда-то сверху женщина.

Витя поднял голову и увидел ту самую женщину, которая теперь на балконе снимала с веревки вяленую рыбу и складывала ее в бельевой таз.

– Так товарищ, а вы чего здесь вынюхиваете, – строго спросил Витю полицейский.

– Я не вынюхиваю, я просто приехал посмотреть, как дела продвигаются по увеличению продолжительности жизни.

– Тут нечего интересного, вы в центр лучше пройдите. Там сейчас основные мероприятия разворачиваются, – более миролюбиво ответил полицейский и, повернув Витю, показал рукой, – Вам туда, надо идти.

– Спасибо, – вежливо ответил Витя и попросившись за руку с водителем грузовика, пошел в указанном направлении.

На встречу, по дороге, сплошным потоком шли грузовики с переселенцами, зеленые эвакуаторы груженные легковушками, самосвалами с грунтом и строительным мусором. А в обратном направлении двигались панелевозы, бетоносмесители, автокраны, множество разнообразной строительной техники и уже пустые грузовики, и зеленые эвакуаторы.

Пройдя немного к центру, Вите стали попадаться уже пустые дома с выбитыми окнами и брошенными детскими площадками. А через несколько кварталов, всюду шла работа по их сносу. Гусеничные краны, раскачивая подвешенными на тросах большими металлическими бобышками, легко крушили хрупкие стены домов, а мощные экскаваторы поднимая облака строительной пыли, грузили все это на подъезжающие самосвалы. Дальше пошли пустые пло-

щадки, где рабочие разбивали кольшками контуры будущих котлованов. А потом и сами котлованы со строящимися фундаментами. Чем дальше шел Витя, тем все выше и выше поднимались стены новых зданий, превращаясь в современные зеркальные небоскребы, вознесшиеся в небо. Дорога тем временем превратилась из обычной асфальтированной в ровную, покрытую мраморной брусчаткой, вдоль которой на тротуарах, выложенных разноцветными, хрустальными кирпичиками, росли экзотические деревья в огромных малахитовых вазах. Над дорогой, поперек улицы, ветер раскачивал растяжку со словами «Даешь – увеличение продолжительности жизни за три года». «Ничего не понимаю, – подумал Витя, стоя с поднятой головой, читая растяжку, – Одних выселяют в зеленую зону для продолжительности жизни, других наоборот вселяю на их место и тоже для продолжительности».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.